

Наконец он набрался смелости, одной дрожащей ногой переступил через перила и сквозь затуманенные слезами глаза увидел яркие огни вдоль берега. Син Янь снова почувствовал глубокое одиночество. В последний момент своей жизни он оставался один.

Он переступил и второй ногой, усевшись на перила, и крепко ухватился за них обеими руками. Внизу бушевала тёмная река, и Син Янь нервно сглотнул, его хватка то ослабевала, то усиливалась. Он опустил голову, глядя на воду, решившись упасть, но затем снова выпрямился, вцепившись в перила.

Он снова заплакал, на этот раз из-за своей слабости и никому не ведомой печали.

В городе горело так много огней, словно тысячи глаз смотрели на него из темноты, но ни один из них не заботился о том, жив он или мёртв. А те, кого он любил и кто любил его, остались в далёком жарком полудне пять лет назад. Син Янь никогда не чувствовал себя настолько одиноким. В последний момент своей жизни он изо всех сил, почти рыдая, крикнул в сторону тысяч огней:

— Если бы хоть один человек любил меня! Если бы хоть один человек любил меня! Я бы смог жить!

Его голос был хриплым, а лицо залито слезами.

Это был последний крик о помощи Син Яня к этому миру.

Над рекой дул лёгкий вечерний ветерок раннего лета, и в тишине ночи слышались лишь его всхлипы. Когда он вытер слёзы и уже собирался отпустить перила, позади него вдруг раздался голос молодого мужчины:

— Подожди!

Он обернулся и увидел человека в чёрном костюме, который, опираясь на колени и тяжело дыша, сказал:

— Я люблю тебя... Я люблю тебя — так что, пожалуйста, живи!

Слёзы Син Яня мгновенно застыли на лице.

В тот день Хэ Ци закончил работу поздно, снова став последним, кто покинул офис.

Диплом третьесортного университета не принёс ему никакой реальной пользы. Для человека, выпустившегося из такой школы и не обладающего никакими особыми навыками, найти работу, чтобы просто прокормиться, уже было удачей. Многие его одноклассники после выпуска вернулись в родные города, став профессиональными бездельниками, живущими за счёт родителей. И даже эта работа предоставляла социальное страхование и пенсионные отчисления. Хотя в конце года босс раздал красные конверты, в каждом из которых было всего сто юаней, после вычета основных расходов и аренды у него даже не оставалось денег на такси. Но Хэ Ци всё равно утешал себя — ничего, многие так живут, он всего лишь новичок в обществе, и неудачи неизбежны, нужно просто потерпеть.

Поэтому он жил в сложном районе трущоб, в самой дешёвой комнате на крыше. Как в гонконгских фильмах прошлого века — железная хижина, которая в дождь стучала всю ночь. Иногда она протекала, и приходилось ставить таз, чтобы собрать воду, иначе можно было проснуться в настоящем море. Хэ Ци даже не знал, откуда в его железной хижине начинала

течь вода во время дождя. Он купил синий пластиковый тент, чтобы покрыть всю крышу, но во время дождя вода всё равно просачивалась через трещины в стенах, заливая пол, и он ничего не мог с этим поделать.

Жизнь там имела одно преимущество — прекрасный ночной вид. В свободные дни он часто сидел на краю крыши, наблюдая за морем огней до глубокой ночи.

Утром он рано вставал и погружался в бурный поток людей. Как и большинство горожан, он ехал на работу в переполненном метро, качаясь, как сардина в банке.

В тот день ему не нужно было оставаться на сверхурочную работу, ведь на следующий день была суббота, и все, оживляясь в пятницу, уходили раньше. Когда Хэ Ци очнулся, в офисе остался только он, а на столе лежали незавершённые документы. Он покорно выпрямился за компьютером и начал вводить строки бессмысленных данных. Закончив, он посмотрел в окно — на улице уже было темно, стрелки часов показывали полночь, самое неудачное время. Метро не работало, автобусы ушли, и ему пришлось бы заплатить дорогую цену за такси за сверхурочную работу без оплаты, причём скупая компания соглашалась компенсировать только половину.

Он был раздражён, особенно когда увидел, как быстро меняются цифры на счётчике. За два километра до дома он решил выйти и пойти пешком вдоль реки. В конце концов, это займёт всего полчаса, а район был безопасным, и даже ночью, идя по пустынной дороге, он вряд ли столкнётся с грабителем.

Именно тогда Хэ Ци увидел мужчину, сидящего на мосту.

Его первой мыслью было: «Кто-то решил прогуляться так поздно».

Но когда он приблизился, его близорукие глаза наконец разглядели сидящего на мосту человека. Этот мужчина был одет в грязную зимнюю одежду, совершенно не подходящую для лета. Его длинные волосы были жирными и спутанными. Плечи дёргались от периодических всхлипов, и весь его вид был удручающим.

В голове Хэ Ци громынуло: «Я столкнулся с самоубийцей!»

Его ноги мгновенно онемели, он дрожащей рукой открыл портфель, достал телефон и, набирая на экране цифры «110», почти задышался от паники.

— Стоит ли подойти и остановить его? А вдруг он испугается и сразу прыгнет? Я умею плавать? О нет! Кажется, я забыл, как это делать!

В этот момент мужчина на перилах издал крик, словно выплёскивая всю оставшуюся энергию. Палец Хэ Ци замер на зелёной кнопке вызова, но он, не раздумывая, опустил телефон и бросился бежать к мужчине.

— Я люблю тебя! Я люблю тебя! Так что, пожалуйста, живи!

Он выпалил это, задыхаясь, и, подняв голову, увидел на лице мужчины выражение крайнего изумления. Тот смотрел на него, словно на призрака, как будто он не должен был здесь находиться. В это время, в этом месте.

На лице мужчины были следы многолетней грязи, слёзы и сопли, которые не успели высохнуть, а борода была небрежной.

Когда Хэ Ци немного отдышался и выпрямился, он посмотрел на бродягу перед собой и очень серьёзно сказал:

— Я люблю тебя, пожалуйста, живи.

Эти слова, сказанные для утешения, взорвались в сердце Син Яня, как огромный фейерверк. Что может быть более трогательным, чем услышать «Я люблю тебя» в момент, когда ты готов покончить с жизнью? Тем более, когда действительно появляется человек, который искренне говорит тебе это. Словно в бурной реке он наткнулся на спасательный круг. В тот момент Син Янь почувствовал, как луч света пробивается сквозь холодные тучи и падает прямо на него.

До этого он думал, что в этом мире нет света.

Син Янь широко раскрыл глаза, тупо посмотрел на Хэ Ци, а затем снова заплакал. Он плакал так, будто хотел выплакать всю свою боль, чтобы она наконец ушла. Хэ Ци, растерявшись, стоял с непозвонившим телефоном в руке, не зная, что делать. Через некоторое время он наконец произнёс:

— Ты... может, сначала спустишься вниз?

Но Син Янь продолжал смотреть на него, плача так, как будто он был полным идиотом, несколько раз даже задыхался и кашлял, но потом снова плакал. Хэ Ци, видя это, почувствовал головную боль. В его представлении только дети могли так плакать, взрослые люди никогда не рыдали бы так истерично перед другими.

В то же время он немного успокоился — мужчина, похоже, не хотел умирать. В конце концов, человек, который говорит: «Если бы хоть один человек любил меня, я бы смог жить», вряд ли действительно собирается покончить с собой. Если бы он не надеялся, что кто-то его спасёт, он бы не произнёс таких откровенных слов, похожих на крик о помощи.

Однако Хэ Ци всё равно был осторожен, боясь, что его действия или слова могут спровоцировать мужчину. Особенно в такой ситуации, когда любое необдуманное слово может стать оружием, направленным на человека, который явно потерял рассудок.

<http://bllate.org/book/16327/1473734>